

УДК 93:[328.1+329.11+281.93]

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОМОНАРХИСТОВ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 1907–
1912 ГОДОВ (часть I)**

Ивакин Г. А.

ФГБНУ «Психологический институт РАО»

В статье рассматривается законодательная деятельность правомонархистов с 1907 по 1912 г. – в период работы III Государственной думы и Государственного совета Российской империи. Особо освещается деятельность духовенства, его отношение сквозь призму обсуждения законопроектов к зарождающемуся парламентскому институту. Рассматривается вопрос о конфессиональной принадлежности членов комиссий. В исследуемом историческом периоде отмечается тандем правомонархистов и православного духовенства, оказавшийся эффективным и работоспособным. Уделяется внимание вопросам, вынесенным на повестку дня Государственной думы, в частности, социально-экономического, общественного характера и финансовые аспекты. Представленные архивные документы отображают проблему ухудшения материального состояния крестьянина, пьянства в Российской империи, вопросы в сфере образования, аграрной проблеме. Не остались без внимания документы, связанные с внешнеполитической деятельностью России в исследуемый период. Затрагивается вопрос предоставления права свободы проповеди всем конфессиям, при разрешении которого депутаты-правомонархисты и духовенство действовали сплоченно, не одобряли законопроект.

Ключевые слова: законодательная деятельность, парламентаризм, духовенство, император Николай II, Государственная дума Российской империи, Государственный совет Российской империи, черносотенство, правые, правомонархизм, вероисповедная комиссия, старобрядцы, Союз 17 октября, православная церковь, вероисповедные законопроекты.

Принятие нового избирательного закона 3 июня 1907 г. способствовало, как и следовало ожидать, приходу в Думу в большинстве правых и умеренных партий, в том числе дало возможность православному духовенству «выделиться» на выборах. Духовенство усиливало позиции фракции правых и националистов. Следует отметить, что тандем правомонархистов и православного духовенства оказался более эффективным и работоспособным.

Черносотенцы, в целом оценивали состав депутатского корпуса Думы III созыва более спокойно, чем первых двух. Так, на частном совещании Русских людей в Ярославле в ноябре 1907 г. о политическом положении говорилось: «...относительно благоприятный исход выборов... в смысле преобладания в ее предстоящем составе антиреволюционных партий...» [1, л. 1], при этом отмечая, что «...в революционную эпоху всякие конституционные гарантии в форме „свободы слова“, „совести“, образования обществ и союзов – служат наилучшим средством организации революции...» и утверждая, что законодательные высшие учреждения империи «...построены не на твердых принципах государственности и не отвечающих... духовному, исторически сложившемуся, государственному мировоззрению народа, а на условиях компромисса с революцией...» [1, л. 1об.].

При этом ультраправые по-прежнему скептически относились к зарождающимся

формам парламентской демократии «...Наши оба законодательные (Государственная дума и Государственный совет. – *Г.И.*) учреждения, не будучи выражением всего духовного уклада русской жизни, не дают и не могут дать почвы и формы для национального самоопределения, для патриотического вдохновения творческой законодательной деятельности, чтобы «укрепить» «на чисто русских исторических устоях» преуказания Государем «преобразования народной жизни»» [1, л. 1об.].

В общей риторике правых выражалось недовольство правительственной политикой в отношении других политических сил: «...Россия управляется Самодержавным Государем... необходимо остановиться на том, отвечает ли правительство этой форме правления?... целесообразным представляется предъявить ряд запросов председателю Совета министров...» [1, л. 2]; «...наличность известных конституционных партий... очевидно немыслимо при Самодержавном строе; и открытое признание их правительством, и допущение у участию в Государственной думе является доказательством того, что само правительство... колеблется в решении вопроса о существующем строе...» [1, л. 2].

Итак, Дума была избрана, общая оценка парламентского строя накануне ее работы не претерпела во взглядах ультраправых существенных изменений. Позиции правоконсерваторов значительно усилились в Думе, предстояло работать.

На повестке дня были, во-первых, поставлены вопросы социально-экономического и общественного характера: о землеустройстве, по борьбе с пьянством, о почтово-телеграфных служащих, по лесному департаменту, о терроре; во-вторых – преимущественно канонические (религиозного характера), а также финансовые и социальные: о свободе совести, о церковно-приходских школах, сметы Священного синода, реформы прихода и выделения Холмщины.

В начале работы III Думы духовенство поддержало в лице правомонархистов-депутатов епископа Евлогия и священника Барановича два законодательных предложения. Первое из них – «Об упразднении в Белоруссии остатков чиншого владения и чиншого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения» [2, с. 352-403].

Это законодательное предложение было одобрено 1 февраля 1908 г. Государственной думой и передано в комиссию по упразднению чиншого права для разработки законопроекта. Его разработку взяло на себя Министерство внутренних дел (в дальнейшем – МВД). Законопроект был представлен МВД 27 октября 1908 г. и передан в комиссию об упразднении чиншого права. На рассмотрение Думы законопроект вышел 22 марта 1911 г., а одобрен Думой только 4 июня 1912 года. И второе предложение от 11 декабря 1907 г. «О запрещении продажи частновладельческих земель, иначе, как при посредничестве земельных банков» [2, с. 352-403]. Предложение было передано в комиссию по земельным и судебным реформам на заключение как желательное. Но так как впоследствии трое депутатов отказались поддержать это предложение, законопроект не получил дальнейшего законодательного оформления.

Кроме этих двух вопросов обсуждалось законодательное предложение о выходе из общины физических лиц. Одним из первых кто выступил по этому предложению, был представитель фракции правых епископ Митрофан. Он выступал не только от своего имени, но и от всей фракции, в которую, помимо светских депутатов, входили 16 лиц духовного чина от РПЦ. Фракция поддержала эту инициативу, сравнивая

ее с западноевропейским развитием фермерства, предлагая проект перехода. Преосвященный Митрофан, выступая, говорил, что «...община... явилась самой лучшей школой для выработки чувств взаимопомощи, солидарности и братства...», но необходимо «признать устройство нового быта крестьян наших по образцу западноевропейских фермеров, прочно обсевших на своих отдельных участках». Разрешение аграрного вопроса, по мнению фракции правых, возможно только при переходе на новую форму землеустройства – «хуторское владение». Но прежде чем установить такую форму, необходимо «открытие кредита», так как «без пособия крестьянин не может сняться со своего и убогого, но все же насиженного им места... Государство не должно бояться затрат на этот предмет, оно должно быть уверено, что оно самым рациональным образом использует свои государственные ресурсы» [3, с. 199-202].

Проект правых затрагивал интересы лишь определенной части населения, но совершенно не учитывал интересов тех, кто не захочет выходить из общины.

Вообще реакция и отношение черносотенной части было сложным и ярко прослеживается в докладе И.Л. Панфилова на съезде Волжско-Камского областного патриотического союза в Казани по вопросу о «крестьянском общинно-хуторском хозяйстве». Доклад начинался лозунговой риторикой: «Люди русские! Берегите крестьянскую поземельную общину» [4, л. 1].

Далее следовала довольно резкая критика правительственной политики, которая, впрочем, не прекращалась, начиная с самого начала образования правомонархического движения в стране. Итак, парировал И.Л. Панфилов обращаясь к делегатам съезда: «За последние годы русская правительственная власть вступила на исторически ложный путь решения земельного крестьянского вопроса, задавшись целью... сократить и в... будущем уничтожить крестьянскую земельную общину...» [4, л. 1].

С точки зрения социально-экономической, черносотенец И.Л. Панфилов объяснял земельный вопрос с позиции, предложенной государственной властью: «...десятки миллионов десятин крестьянской земли будут скуплены или заарендованы земельными скупщиками путем прямой купли-продажи или долголетней аренды, перейдут в руки... земельных банков и владельцев золота, в руки тех, чьим золотом работают земельные банки и в чьих руках находится золото всего мира...» [4, л. 1об.].

Реальное беспокойство вызывало ухудшение материального состояния и без того бедного крестьянина, за которым последует вновь общественное недовольство и, как следствие, новые социальные конфликты, «...новые и несравненно тягчайшие смуты и государственные потрясения...» [4, л. 1об.].

Огромная масса крестьянства России станет той питательной средой, «на которой буйно взойдут кровавые семена анархии и социализма... погибнет и русская государственность, и русская культура...» [4, л. 1об.].

Подобной риторикой были проникнуты практически все частные совещания, съезды, собрания организаций черносотенного движения.

Другими не менее важными были законодательные предложения, касающиеся «мер к исполнению бюджета в случае образования в нем дефицита от сокращения потребления крепких спиртных напитков» и «отменены статей акцизного сбора» Здесь депутаты выступили единым фронтом от октябристов до правых. Духовенство тоже активно поддержало позицию светских депутатов. Не было такого клири-

ка, который каким-либо образом прямо или косвенно не выразил бы негативного отношения к проблеме пьянства в Российской империи.

С принятием этого закона вводилась полная монополия государства на спиртовую продукцию и устранялась конкуренция. В результате законопроект был принят Госдумой, одобрен Государственным советом и Высочайше утвержден. По вопросу сметы лесного департамента в Думе наряду со светскими депутатами выступали два клирика: правый епископ Митрофан и священник-националист С.И. Соловьевич.

В своих речах депутаты-клирики отстаивали единственную мысль: постройка православных церквей, средних учебных заведений, школ и выделение для этих целей леса по особо низкой цене. Высшие и низшие учебные заведения лесного департамента уже на тот момент имелись, но епископ Митрофан и священник С.И. Соловьевич сквозь призму интересов департамента по лесу (которому действительно необходимо было исследование лесных массивов, а для этого нужны специалисты-«техники») [3, с. 2759] говорили о нехватке выпускаемых специалистов, и якобы Православная церковь может в этом помочь, тем самым проводя интересы Церкви. Это противоречило интересам государства, которое уже наметило курс на отделение школы от Церкви, и крестьянства, у которого предполагали забирать землю, выделенную для хуторов, под строительство церквей и школ, используя предлог, что там «неплодородные, болотистые почвы и сыпучие пески» [3, с. 2760-2761].

И это несмотря на то что аграрный вопрос остро стоял на повестке дня и еще до конца не был решен. Священник С.И. Соловьевич предложил использовать эти имения в интересах государства и просил Государственную думу устроить средние учебные заведения на «болотистой, некультурной земле» [3, с. 2760].

Не совсем понятна логика священника С.И. Соловьевича, по мнению которого хутора не могут существовать на той земле, а школы могут, так же, как и возможно строительство церквей, да еще и при выгодной цене на лес. Возникает вопрос: где же интересы государства и лесного департамента, которое является государственным учреждением? Интересы государства теряются в общей массе проблем Церкви, которая ставила их перед своими депутатами-клириками, а они перед Государственной думой. Таким образом, вопрос сметы лесного департамента в выступлениях лиц духовного чина представлялся лишь поводом для решения проблем церковного характера.

Так, «Московские ведомости» со скорбью рисуют картину разрушения церковно-государственной симфонии, заката «константиновской эпохи» церковной и гражданской истории. Вероисповедные законопроекты не совершали немедленного разобщения государства от религии, но ставили законодательство на путь разобщения, на такие основы, при которых, хотя с множеством отклонений и противоречий, эволюция законодательства начинает идти по все более растущему разобщению государства и религии [5, с. 108-109].

Важнейшим вопросом периода активной внешнеполитической деятельности России, обострения отношений Антанты и Австро-германского блока, а также противодействие России и Италии захватнической политике на Балканах Австрии. Насущным являлся вопрос обороны.

По данному вопросу активным оратором был депутат дворянин А.А. Бобринский: «Возрастание могущества Германии нас не устрашает. Германия всегда была верным другом России, ее могущество нас не устрашает, и она будет впредь нашим

другом...» [6, с. 38]. Налицо близорукость взглядов депутата. И это в условиях борьбы с Австрией на Балканах и стремлением воспользоваться предстоящим ита-ло-турецким конфликтом. Как писала газета «Русская мысль», А.А. Бобринский отличался «неизменным произнесением речей водевильного характера...» [7, с. 89].

Другими вопросами были вопросы о свободе совести и старообрядцах. В III Государственной думе были для этих целей созданы три комиссии: по вероисповедным, старообрядческим вопросам и по делам РПЦ. Против образования старообрядческой комиссии возражали правые и умеренно правые, считавшие, что надо учредить в комиссии по делам РПЦ особый старообрядческий отдел [5, с. 56-58].

В результате выборов в комиссии по вероисповедным вопросам было 13 октябристов, пять правых, восемь умеренно правых, четыре кадета, один народный демократ, два представителя польско-литовско-белорусской группы, один – мусульманской фракции, один прогрессист [8, с. 92]. Председателем был избран в первых двух сессиях член фракции умеренно правых епископ Евлогий до 17 мая 1908 г.

По подсчетам петербургского исследователя А.А. Дорской, в комиссии по старообрядческим вопросам было три правых, три умеренно правых, шесть октябристов, два кадета и один социал-демократ [8, с. 92]. По мнению московского ученого протоиерея В. Рожкова, четверо принадлежали к правым группировкам (в том числе епископ Евлогий и два священника), остальные были октябристы, два члена к-д и старообрядцы (5 человек) [5, с. 59]. А такие исследователи в этой области, как В.К. Пинкевич и Т.А. Кудрина [9], и вовсе не упоминают о численности в комиссиях.

Вышеизложенные сведения входят в противоречие с документальными источниками. Старообрядцев в комиссии было пять человек, а правых клириков всего один священник А.А. Златомрежев, два же других в последующих сессиях, когда разрабатывался законопроект «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое», были уже националистами [10, с. 102-107], а не умеренно правыми, и тем более не правыми, как утверждают исследователи.

Существовала еще и частная вероисповедная комиссия фракции «Союз 17 октября». Ее заседания проходили обычно один раз в неделю в помещении фракции вне стен Государственной думы. Комиссия насчитывала 45 чел., из которых 30 были членами Думы [5, с. 57]. Ее задачей было предварительное обсуждение с участием специалистов законопроектов и вопросов, поступающих на обсуждение комиссии по вероисповедным вопросам Государственной думы. По мнению протоиерея В. Рожкова, комиссия хотя и была частная, но все же «могла оказывать влияние на решения правительства помимо прямого обсуждения в Думе».

Следует сказать о конфессиональной принадлежности членов комиссий. В комиссии по старообрядческим вопросам было три старообрядца и 12 православных. В комиссию же по вероисповедным вопросам первоначально было избрано 35 человек, из них 21 православный, причем 12 имели духовный сан, а не 8, как утверждает А.А. Дорская [8, с. 92], и не 11 [5, с. 321-322], один старообрядец, четыре католика, два иудея, два мусульманина, три евангелических лютеранина, один евангелист, один менонит. Председатели были православными. По мнению А.А. Дорской, именно они определяли судьбу различных исповеданий. Этот вывод представляется не совсем верным, так как не только православные принимали участие в выработке законопроектов, но и представители других религиозных конфессий. И как быть с тем фактом, что именно мусульманская фракция подала протест о том, что вероис-

поведную (неправославную) комиссию возглавляет православный архиерей (епископ Евлогий)? Именно этот вопрос вызвал дискуссию. Как заметил сам епископ: «Я счел провал за недоверие и из председателей ушел» [11, с. 177]. По мнению православного исследователя протоиерея Владимира Рожкова, епископ Евлогий покинул пост председателя, так как «оказался в меньшинстве, и что господствующее в комиссии направление и решение в ней вопросов не гармонируют с его председательством, почему он и отказывается от этой должности и в следующем заседании предложит избрать на его место другое лицо» [5, с. 74].

В вероисповедную комиссию за время ее работы было внесено 10 законопроектов от МВД. В старообрядческую комиссию от МВД поступило три законопроекта, в комиссию по делам РПЦ от МВД шесть законопроектов по вопросам вероисповедных реформ. По подсчетам автора, всего за время работы трех комиссий в III Госдуме было внесено 19 законодательных предложений по конфессиональным вопросам.

Вероисповедная комиссия, которая состояла на 34% из клира РПЦ, в первую сессию сначала сосредоточилась на обсуждении министерского законопроекта «Об отношении государства к отдельным исповеданиям» и во вторую на законопроекте «О переходе из одного исповедания в другое». По первому проекту закона было поставлено на голосование два вопроса: 1. О допущении взаимной проповеди среди всех конфессий. 2. О свободе проповеди всем конфессиям, а также среди православных. Первый вопрос устраивал большинство православного клира и комиссии.

По второму вопросу у правомонархистов и православного духовенства не было единого мнения, и в результате оно проголосовало 12 голосами против, но большинство комиссии приняло это предложение министерского проекта. Но, как впоследствии оказалось, проповедь среди православных была запрещена [12, с. 65]. В «Полоцких епархиальных ведомостях» член фракции правых, протоиерей Ф.И. Никонович, депутат от Витебской губернии, в своем дневнике записал: «2-я комиссия внесла решение, противоположное предыдущему. При вотировании голос Евлогия дал перевес» [5, с. 74].

По вопросу предоставления права свободы проповеди всем конфессиям депутаты-правомонархисты и духовенство действовали сплоченно – не одобряли законопроект.

Священник Савва Богданович, депутат от Киевской губернии, так охарактеризовал идею вероисповедных законопроектов: «Кувыркайтесь, российские люди, из веры в веру или в безверие и обратно – мы, гражданская власть, вас на это благословляем и узаконяем». Резко выступал против законопроекта и епископ Евлогий, ставший 23 мая вообще «героем дня». Между ним и В.А. Карауловым возникла полемика, и епископ Евлогий упрекнул оппонента в «возмутительном фарисействе, лицемерии и издевательстве над правдой». За это епископа Евлогия призывали к порядку. «После этого начался скандал, – записал в своем дневнике депутат Думы о. Федор Никонович. – Было опасение, как бы дело не дошло до рукопашной схватки. Такого шума, кажется, еще не было ни в одном из заседаний III Думы. При этом некоторые священники из правых пришли в такое негодование, что в выражении протеста не уступали наиболее горячим светским членам Думы» [8, с. 102]. Но при всем при этом законопроект был принят Государственной думой в редакции вероисповедной комиссии.

Обобщая итоги дебатов по данному вопросу, следует сказать, что из депутатов-правомонархистов активными сторонниками проекта выступили о. Е.Я. Ганжулевич, епископ Евлогий, епископ Митрофан [5, с. 89, 94, 99].

Комиссия же по старообрядческим вопросам, которая на 20% состояла из черносотенного духовенства Православной церкви, за период проведения первых двух сессий рассматривала законопроект «о старообрядческих общинах», к нему старообрядческая комиссия предложила три поправки, все это стало предметом бурных дебатов на пленарных заседаниях Думы.

Позиция правых также хорошо прослеживается в речи депутата П.Н. Крупенского: «...вопрос, который вышел далеко за рамки законопроекта о старообрядцах...Какие же группы выступили в защиту старообрядцев? Социал-демократы. Но едва ли... религиозные убеждения социал-демократизма могут поддерживать одну из уклонившихся ветвей православия – вправо или влево, все равно; они также глубоко верующие в Бога, как и в те законы правительственные, которые существуют для охраны русского Отечества. Затем, мы видим, что защитником старообрядчества становится католицизм... Государственная дума должна стать на защиту православия и своих колеблющихся православных сынов...» [6, с. 180-184].

Но, несмотря на активность правых, политический расклад сил в Думе в этот период был не в их пользу [9, с. 135-136]. Все поправки комиссии были отклонены, и без существенных изменений законопроект был принят. Продолжение статьи в следующем номере журнала.

Список литературы:

1. ГА РФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 87. Л. 1.
2. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва (1907-1912). Ч. 2. СПб., 1912. Приложение 12. – С. 352-403.
3. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. Ч. I.
4. ГА РФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 94. Л. 1.
5. Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной Думе. – М: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – 560 с.
6. Ораторы России в Государственной думе. 1907–1917. Т. II. СПб., Издательство: СЗАГС, Образование-Культура, 2004. – 400 с.
7. Крестьяне и Дума // Русская мысль. 1908. – № 12. – С. 89.
8. Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века: Монография. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена 2001. – 143 с.
9. Кудрина Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века. М.: РАГС, 2003. – 196 с.
10. Обзор деятельности Государственной думы. Ч. I. Приложение 4 (б). – С. 102-107.
11. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: воспоминания. М.: Московский рабочий, 1994. – 619 с.
12. Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности комиссий и отделов. – С-Петербург: Государственная типография, 1908-1912. – 156 с.

Ivakin G.A. Legislative activities of the right-wing monarchists in the state дума and the state council in 1907–1912 (part I) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 11-18.

The article examines the legislative activity of the right-wing monarchists from 1907 to 1912 during the work of the III State Duma and the State Council of the Russian Empire. The author of the article particularly highlights activities of the clergy, their attitude to the emerging parliamentary institution through the prism of the discussion of bills. The issue of confessional affiliation of members of the commissions is considered. In

the historical period under study, a tandem of right-wing monarchists and Orthodox clergy is highlighted, which turned out to be effective and efficient. Attention is paid to the issues on the agenda of the State Duma, in particular socio-economic, public issues and financial aspects. The examined archival documents reflect the problem of the deterioration of the material condition of the peasant, drunkenness in the Russian Empire, issues in the field of education, the agrarian problem. Documents related to Russia's foreign policy activities during the period under study were not left without attention by the author. The issue of granting the right to freedom of preaching to all confessions is touched upon. When resolving this issue, the right-wing monarchist deputies and the clergy acted together and did not approve the bill.

Key words: legislative activity, parliamentarism, clergy, Emperor Nicholas II, State Duma of the Russian Empire, State Council of the Russian Empire, Black Hundreds, right-wing monarchism, religious commission, Old Believers, Union of October 17, Orthodox Church, religious bills.

Spisok literatury:

1. GA RF. F. 116. Op. 2. D. 87. L. 1.
2. Obzor deyatel'nosti Gosudarstvennoy dumy tret'yego sozyva (1907-1912). CH. 2. SPb., 1912. Prilozheniye 12. – S. 352-403.
3. Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozyv III. Sessiya II. CH. I.
4. GA RF. F. 116. Op. 2. D. 94. L. 1.
5. Rozhkov V., protoiyerey. Tserkovnyye voprosy v Gosudarstvennoy Dume. – M: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya. Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, 2004. – 560 s.
6. Oratory Rossii v Gosudarstvennoy dume. 1907–1917. T. II. SPb., Izdatel'stvo: SZAGS, Obrazovaniye-Kul'tura, 2004. – 400 s.
7. Krest'yane i Duma // Russkaya mysl'. 1908. – № 12. – S. 89.
8. Dorskaya A.A. Svoboda sovesti v Rossii: sud'ba zakonoprojektov nachala XX veka: Monografiya. – SPb.: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena 2001. – 143 s.
9. Kudrina T.A., Pinkevich V.K. Veroyisovednyye reformy v Rossii v nachale KHKH veka. M.: RAGS, 2003. – 196 s.
10. Obzor deyatel'nosti Gosudarstvennoy dumy. CH. I. Prilozheniye 4 (b). – S. 102-107.
11. Yevlogiy (Georgiyevskiy), mitropolit. Put' moyey zhizni: vospominaniya. M.: Moskovskiy rabochiy, 1994. – 619 s.
12. Gosudarstvennaya дума. Sozyv III. Obzor deyatel'nosti komissiy i otdelov. – S-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1908-1912. – 156 s.